

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использованы
иллюстрация художника *А. Шпакова*
и фотографии:
Andrey Arkusha, jlip, Aquamethods,
Petar Djordjevic / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Еще не вечер / Николай Леонов. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Николай Лео-
нов — классик советского детектива).

ISBN 978-5-699-97288-3

Странная компания собралась вокруг подполковника МВД Гурова в курортной гостинице: загадочный обеспеченный плейбой, бывшая спортсменка, ищущая любовных приключений, потенциальный киллер, прикидывающийся наивным бухгалтером, местный физкультурник с темным прошлым... Но даже в обществе такой одиозной компании можно было бы нормально отдохнуть, если бы не ДТП со смертельным исходом, случившееся на горной дороге. Милиция готова классифицировать происшествие как несчастный случай. Но Гуров уверен: авария подстроена, и погиб не тот, на кого покушались. А это значит, что еще одно убийство — дело ближайшего времени. Опытный сыщик начинает собственное расследование, внимательно присматриваясь к своим новым знакомым.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97288-3

© Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

Подполковник милиции Лев Иванович Гуров стоял на берегу Черного моря и швырял камешки в мутные невысокие волны, которые равнодушно и вяло взбегали на берег, шуршали галькой и отступали для нового разбега. Бросать камешки было неинтересно — и всплеска не видно, и звука не слышно, но Лева занятие свое не прекращал и, отбросив пригоршню, наклонялся за новой порцией гальки. Камешки были одновременно и теплые, и прохладные. Сначала он удивился, вроде так быть не должно, затем сообразил, сыщик как-никак: солнце нагревало лишь верхнюю, наружную часть камешка, «спинку», так сказать, а его «животик» оставался прохладным, чуть влажным.

Мартовское солнце даже в полдень было незлобивым, рассеянным, на пляже лежали только отчаянно терпеливые. Некоторые ухитрились порозоветь, большинство же светилось здоровой городской свежестью, похожей на снятое молоко. «И кожа у них, наверное, в пупырышках», — лениво подумал Гуров и попытался зашвырнуть камешек подальше. Получилось плохо, камешек исчез

Николай Леонов

где-то в невысокой волне в нескольких метрах от берега.

— Здравствуйте, — сказала, подходя к Гурову, стройная молодая девушка. — Наконец вы нашли себе подходящее занятие, — и опустила на землю сумку и одеяло.

— Здравствуйте, Таня, — ответил Гуров, отряхнул ладонь и присел на шершавый валун.

Они познакомились несколько дней назад, на этом же месте, когда Лева тоже пытался загорать. Она так же подошла и поздоровалась, спросила, как его зовут, не скрывая насмешки, оглядела с ног до головы. Гуров, представляясь, как всегда, замялся. Лев Иванович — звучит претенциозно, Лев — смешно, Лева — вообще не звучит.

— Гуров, — буркнул он и, стараясь не торопиться, натянул на себя тренировочный костюм фирмы «Адидас». Этот костюм он успел возненавидеть в первый же день по приезде. Подавляющее большинство отдыхающих красовалось в чем-то подобном, и Лева, к немалой своей досаде, невольно оказывался в общем строю. «Вернусь и заставлю Ритку продать. За сумасшедшие деньги терпеть унижение...» — решил он тогда.

В день знакомства Гуров узнал, что Таня местная, живет с мамой в собственном доме, окончила курсы медсестер, работает в санатории, сейчас, как и он, в отпуске. Слушая ее неторопливую речь, Гуров, полужакрыв глаза, разглядывал новую знакомую и ду-

мал о том, что такие девушки встречаются на Кавказе, возможно, в Ростове или Краснодаре, но не в Москве и Ленинграде. Смешение рас, то самое, о чем булгаковский Воланд говорил: «Причудливо тасуется колода». Русская? Украинка? Нет. Но и не армянка и не грузинка. В Тане было понемногу от нескольких народов, причем взято далеко не лучшее, но в совокупности получилась женщина, на которую любой мужчина обратит внимание. Сильное смуглое тело, которого она не чувствует, не демонстрирует, как животные не ощущают свою естественность и красоту: они такими родились, такими и живут.

С первого дня Таня держалась с Гуровым как со старым знакомым: без кокетства, ненавязчиво, но и не скрывая своего любопытства к новому и ей неизвестному, что нес в себе человек из далекой Москвы.

— Станный вы, непонятный. — Таня расстелила одеяло и легла, не раздеваясь. — Вижу, вы мужчина сильный, самостоятельный, с другой стороны — одинокий, словно потерянный.

— Так оно и есть. — Гуров рассмеялся.

— Вы очень хорошо слушаете, с интересом, но без любопытства. О себе ни слова, но и таинственность не изображаете. — Таня, видимо, пригласилась, стянула с себя кофточку. — А мне интересно. Можно, я вас порасспрашиваю?

— Зачем? — Гуров пожал плечами. — Я сам признаюсь. — Верный своему принципу врать

Николай Леонов

лишь в крайнем случае, сообщил: — Тридцать семь, женат, дочь, юрист. Выгнали из дома, приказали отдыхать, мол, нервное истощение у меня.

— А жена не ревнует? Отпустила на юг, одного.

— Ревнует, однако гордая, — ответил Гуров, подумал и добавил: — И умная. Мужчину нельзя удержать силой. Он либо любит, либо не любит.

— А вы всегда говорите правду? — Таня лукаво улыбнулась.

— Стараюсь. — Гуров пожал плечами. — Не всегда получается. Жизнь врать порой заставляет, бывает, характера на правду не хватает. Слаб человек.

— Потрясающе! — Таня села и уставилась на него, словно увидела что-то ей совершенно незнакомое.

Гуров решил инициативу в разговоре перехватить, используя старый, избитый прием: встречный вопрос.

— А как у вас, Таня, с правдой и ложью? Каковы ваши взаимоотношения?

— У меня? — Таня почему-то удивилась, затем захохотала, свалилась на одеяло. — Умереть можно! Я же баба! Для меня правду сказать — что укусу выпить.

Она явно валяла дурака, говорила чушь, желая отгородиться, спрятаться. Гуров невольно настоялся, придавая голосу серьезность, сказал:

— Зачем женщин обижать? Думаю, вы разные.

— Думаешь. — Таня вновь села, взглянула на Гурова уже без любопытства, оценивая, словно прикидывая, с какого боку ударить.

Он взгляда не отвел, не улыбнулся. Пауза излишне значительно затягивалась. «Ох и непроста ты, девушка, что-то мне голову морочишь». Гуров словно проснулся. Начал прокручивать все их встречи и беседы, понял, что не успевает — не все восстановит, не поймет вот так, сразу. И прошлое отбросил, сосредоточился на настоящем.

— Ох, мужики, мужики, — вздохнула Таня. — Повелители, умники, которые все знают. Мы, конечно, разные, а в одном, считай, одинаковые. Что правда, что ложь? Добро? Зло? Да ну вас! — Она махнула на Гурова рукой, повернула лицо к солнцу. — Такой день! Настроение! Все испортили!

«А что я, собственно, испортил? — подумал Гуров. — И кто этот разговор начал? Что-то ты, девушка, запуталась, сейчас я тебе помогу выбраться».

— Я согласен, — миролюбиво заявил он. — Вы врушка. Свойственно данное качество вашему очаровательному полу... Оставим это. Поговорим о вас лично. Вы ведь живете на холме? — Гуров указал направление.

— И это правда, — обрадованно согласилась Таня.

— У вас пляж лучше, галька мельче, и идти вам в два раза ближе. А вы сюда приходите. Почему? Соврите что-нибудь оригинальное.

Николай Леонов

— Вы мне нравитесь.

— Интересно. — Гуров кивнул. — Вы меня в бинокль разглядели?

Таня два дня прогуливалась у гостиницы, поджидая Гурова, но сказать об этом, по известным причинам, не могла, а быстрого ответа, похожего на правду, не находила. Поэтому отделалась немудреной шуточкой:

— В программе «Время» передавали, что Лев Иванович Гуров прибыл на наш курорт, остановился в гостинице «Приморская», страдает нервным истощением, требуется развлечь.

— Здорово! — Гуров захолопал. — Развлекайте! Хорошо, что в программе «Время» назвали мое имя и отчество. А то как бы вы узнали, что я Лев Иванович?

— Ой! — Таня схватилась за голову. — Это у вас в Москве никто никого не знает. У нас проще. В гостинице две мои подружки работают. Я такое о вас знаю... Закачаетесь!

— Поделитесь! Может, и я закачаюсь?

— Нет! У вас своя компания, у меня — своя.

— Тогда не смею мешать. — Гуров церемонно поклонился. — Всего наилучшего, — и, стараясь не оступиться на осыпающейся под ногами гальке, поднялся на набережную.

Таня смотрела ему вслед и думала, что напрасно приходит сюда. Этот человек ей не по зубам, можно нарваться на неприятности.

Гуров тоже был недоволен собой: решил отдыхать, так и отдыхай, а не придумывай себе заботы, которых тебе на службе хватает. Уже четвертый день, а прилетел он неделю назад, Гуров ощущал какой-то дискомфорт, что-то фальшивое в своем, казалось бы, беззаботном курортном житье-бытье. Он не желал заниматься анализом, а желал любоваться морем, пальмами, получать максимальное удовольствие от своей полной свободы. Спишь, ешь, ложишься, встаешь, гуляешь, можешь идти налево, можешь направо, хочешь — вверх, хочешь — вниз, ничего не должен, все как в сказке, желаешь — выполняй.

Первые дни он так и чувствовал себя, затем настроение стало портиться, естественность в поведении исчезла. Словно слушал он красивую музыку, да неожиданно оркестр разладился, ворвались фальшивые ноты и зазвучали все отчетливее. Гуров пытался их не слышать, вернуть гармонию, а она исчезла.

Был март, погода не установилась, дождь, ветер, солнце вперемежку. Гурову такая погода нравилась, даже думать не хотелось, что творится на этой театрально-декоративной набережной в разгар сезона. Он сел на скамейку неподалеку от статуи, глянув на нее с умилением и благодарностью. Эта гипсовая промокшая и озябшая девушка возвращала на землю, к жизненным реалиям, так как окружающий ландшафт был настолько

Николай Леонов

неестественно красив и гармоничен, что человек рисковал воспарить или подумать, что он оказался в краю неродном. А взглянешь на ее воздетые ручки, плотненький купальничек, который надежно закрывает то, на что и смотреть-то не хочется, и поймешь: все нормально, ты на земле, дома.

«Давай разбираться, Гуров, что тебя жмет, отчего неуютно». Он начал вспоминать события, встречи, разговоры последних дней, очень быстро, ни за что не цепляясь, докатился до сегодняшнего дня. Значит, так: бросал камешки в море, никого не трогал, не мешал, появилась Таня. В чем дело? Почему вдруг напрягся? Пришел человек на пляж, солнце блеклое, прячущееся, однако загорать можно. Не обманывай себя, она ищет с тобой знакомства. Может, человеку одиноко... Все, и больше ничего? Может, профессионалка? Не сезон, клиентов нет. В гостинице у нее подруги работают, подсказали? Но в картотеке он всегда пишет: юриконсульт. Броня у него не милицейская, а горкома. «Ничего интересного обо мне в гостинице узнать нельзя, — подвел итог Гуров. — Однако она ищет знакомства».

Как часто случается, решение пришло неожиданно. Так решаешь геометрическую задачу. Кажется, нет ответа, условия неверны, а провел дополнительную черточку, соединил два угла, и все просто, только удивляешься своей недогадливости.

«Дело не в Тане как таковой, интересуется тобой девушка, и бог с ней. В последние дни с тобой,

Гуров, познакомились несколько человек. Ты стал центром курортной компании. На гитаре не играешь, не поешь, застольем не руководишь, анекдоты не рассказываешь. Чего в тебе интересного? Посоветоваться с Отари? А не посмеется он? Лучше выглядеть глупцом до того, чем после», — решил Гуров.

Прошлой весной Гурова вызвали к генералу. Константин Константинович торопился на коллегию, поэтому, когда Гуров вошел, кивнул на присутствующего в кабинете мужчину и, не вдаваясь в подробности, коротко сказал:

— Лев Иванович, познакомьтесь с гостем и окажите помощь.

Невысокий бритоголовый то ли грузин, то ли армянин — Гуров не смог разобраться — выпрыгнул из кресла, поблагодарил генерала и выкатился из кабинета.

— Лева, — задержал Гурова Константин Константинович, — не сердись, что отрываю от дел, не перепоручай его, помоги сам.

— Хорошо, Константин Константинович, — ответил Гуров, понимая по тону генерала, что ничего хорошего в ближайшее время не предвидится.

Отари Георгиевич Антадзе, майор милиции, начальник уголовного розыска курортного города, который часто называют здравницей страны или жемчужиной Черноморского побережья, являл

Николай Леонов

собой фигуру колоритную: мастер спорта по вольной борьбе, при среднем росте он весил сто десять килограммов. Отари приехал в столицу за «своим» жуликом, не желая отвлекать коллег от их многогранной работы.

Все это Гуров установил в своем кабинете очень быстро и сразу понял, что Отари, видимо, опытный сыщик и в своей стеснительности лукавит. Он прилетел, потому что знает: «своего» жулика разыскивают, как родного, а по чужим ориентирам работают, словно ищут троюродного. Винить в этом сотрудников нельзя, так как ни один из розыскников от безделья не страдает.

Гуров Отари понимал, не осуждал, однако знакомству не радовался. Тот смотрел на Гурова виновато, просил называть себя только по имени, объяснив, что на его земле так принято, сам же обращался к хозяину исключительно по имени-отчеству.

— Мошенник, большой мошенник. — Отари выложил на стол фотографию разыскиваемого. — Людей много обидел, нацию позорит, надо его быстро-быстро в тюрьму. Он сейчас здесь, у вас, — и постучал пальцем по столу.

Гуров заглянул под свой стол, чем привел Отари в неопикуемый восторг.

— Здесь вроде его нет, — серьезно сказал Гуров. — Где разыскивать будем?

Отари погладил широкой ладонью бритую, отполированную солнцем голову, глянул хитро.

— Мало-мало есть. — Он достал блокнот, открыл в нужном месте, протянул Гурову.

В блокноте были записаны две интуристовские гостиницы.

— Интересно, — вздохнул Гуров, возвращая блокнот. — Поехали.

Они побывали в гостиницах, в отделениях милиции, на территории которых находились эти гостиницы, но, как Гуров и ожидал, богаче не стали. Отари поселился в одной из гостиниц, записал телефон Гурова и дежурных по отделениям милиции и сказал:

— Спасибо, Лев Иванович, я один справлюсь.

Гуров молчал. Константин Константинович приказал помочь, однако своей работы хватает. На данном этапе в розыске мошенника, кроме наблюдения, личного сыска, предложить нечего. Узнать мошенника по фотографии вряд ли возможно, значит, задержать его может только сам Отари. Чем ему помочь? Находиться рядом, гулять у гостиниц, сидеть в кафе? Сколько дней? В принципе вся затея майора провинциальная и наивная. Преступник может сменить место охоты, уехать из Москвы.

Гуров окинул взглядом литую фигуру Отари. Конечно, один на один майор возьмет мошенника легко. А если тот окажется в компании соотечественников?

Отари ждал терпеливо, поглядывая на Гурова голубыми глазами, гладил свою полированную го-